

ФЕНОМЕН «НОВООБРЯДНОГО БЕСПОПОВСТВА» НА ТЕРРИТОРИИ ГОМЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В 1940–1980-Е ГГ.

Слесарев А.В.

Уникальной особенностью религиозной жизни на территории Гомельской области в 1940–1970-е гг., практически не имеющей освещения в отечественной историографии, являлось существование значительного числа православных общин, отрицавших каноническую легитимность Московского Патриархата и совершавших богослужения мирским чином. По целому ряду признаков подобные религиозные общины напоминали беспоповское старообрядчество, но, в отличие от последних, не отрицали принципиальную возможность восстановления священства и использовали в своей богослужебной практике новый обряд.

Возникновение феномена «новообрядного беспоповства» явилось следствием исторической эволюции «правой» церковной оппозиции, под которой подразумевается движение противников Заместителя Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского) (1867–1944). Возглавив русскую церковную иерархию, митрополит Сергий в 1927 г. заявил о политической лояльности Русской Православной Церкви по отношению к советской власти, отождествив церковные и государственные интересы, а также допустив вмешательство гражданской власти в церковную кадровую политику. Впоследствии Заместитель Патриаршего Местоблюстителя в своих интервью представителям советской и иностранной прессы из тактических соображений отрицал факт преследования религии в Советском Союзе, объясняя массовое закрытие храмов следствием волеизъявления верующих и комментируя репрессии в отношении священнослужителей нарушением ими уголовного законодательства [24, с. 682–686; 35, с. 59–63]. Избранная митрополитом Сергием стратегия была направлена на сохранение церковной организации в условиях проведения государственной властью жесткой линии по уничтожению религиозной жизни. Однако для части православных священнослужителей и мирян подобный компромисс с советской властью представлялся недопустимым и граничащим с предательством интересов Церкви. Неприятие линии церковной политики Заместителя Патриаршего Местоблюстителя привело к возникновению внутрицерковных оппозиционных групп, в отношении которых к нач. XXI ст. утвердилось наименование «правой» церковной оппозиции. Объединенные вокруг критически настроенных к митрополиту Сергию

Слесарев А.В. кандидат богословия, доцент, проректор по научной работе Минской духовной академии.

иерархов, оппозиционные церковные сообщества продолжали признавать высший церковный авторитет пребывавшего в заключении Патриаршего Местоблюстителя митрополита Крутицкого Петра (Полянского) (1862–1937). Вместе с тем деятельность Заместителя Местоблюстителя не находила единой оценки со стороны лидеров внутрицерковной оппозиции. По этой причине оппозиционность митрополиту Сергию выражалась в трех подходах: 1) в признании за Заместителем Патриаршего Местоблюстителя права возглавления церковной иерархии при критическом отношении к принимаемым им решениям; 2) в разрыве церковного общения с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя без отрицания действительности совершаемых им богослужений и таинств; 3) в разрыве церковного общения с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя и отрицании действительности совершаемых им священнодействий. К первой категории принадлежала группа последователей митрополита Ярославского и Ростовского Агафангела (Преображенского, 1854–1928) («ярославская» оппозиция), ко второй последователи митрополита Казанского и Свияжского Кирилла (Смирнова, 1863–1937) («кирилловская» группа), к третьей значительная часть последователей митрополита Ленинградского Иосифа (Петровых, 1872–1937) («иосифлянская» оппозиция). По причине нежелания поминать на богослужениях имя митрополита Сергия (Страгородского) и гражданскую власть последователи «правой» церковной оппозиции получили наименование «непоминающих» [25; 40; 41; 42; 44].

На территории БССР деятельность «правой» церковной оппозиции зародилась в 1928 г. и была локализована преимущественно в границах современной Гомельской области. Первыми священнослужителями названного региона, разорвавшими каноническое общение с Заместителем Патриаршего Местоблюстителя, были духовник Гомельской епархии протоиерей Павел Левашев (1873–1937) и иеромонах Герасим (Каешко) (1883–1929). При посредничестве киевского протоиерея Димитрия Иванова (1883–1933) они перешли в каноническое подчинение викарию Ленинградской епархии архиепископа Гдовскому Димитрию (Любимову) (1857–1935), фактически возглавлявшему «иосифлянскую» ветвь церковной оппозиции. В течении 1928–1929 гг. к «иосифлянскому» движению примкнул целый ряд приходских общин Гомельского, Ветковского, Рогачевского, Чечерского, Уваровичского, Буда-Кошелевского и Тереховского районов Гомельского округа БССР, а также часть бывших насельниц закрытого властями Чонского Свято-Успенского женского монастыря. Отказавшись признавать духовенство, пребывавшее в церковном общении с митрополитом Сергием (Страгородским), оппозиционные общины направляли своих ставленников в Ленинград для рукоположения их архиепископом Димитрием (Любимовым) [3, л. 141-144 об., 180, 425-426; 8, л. 1-9, 35 об., 55 об., 72-74, 77-78, 81-82, 145-146, 150, 164, 175-178 об., 186 об., 216, 331-335, 346-346 об., 377 об., 406, 412, 424, 433, 442-443].

Фото 1. Протоиерей Павел Левашев (1873–1937)

Фото 2. Священник Феодор Рафанович (1883–1975)

Поддерживая наиболее непримиримое крыло «правой» церковной оппозиции, «непоминающие» общины Гомельщины подвергали сомнению каноничность полномочий Заместителя Патриаршего Местоблюстителя и возглавляемого им Временного Патриаршего Священного Синода. В отдельных случаях наблюдалось отрицание действительности таинств, совершаемых митрополитом Сергием и поддерживавшим его духовенством. Несмотря на приверженность столь крайним воззрениям на Московскую Патриархию, белорусское «иосифлянское» движение не сохранило своего единства по причине появления ультрарадикальной группы, объединенной вокруг священника Феодора Рафановича (1883–1975), совершавшего служение в деревне Шерстин Ветковского района. Для последователей данного религиозного направления были характерны ощущение собственной духовной элитарности, обостренное эсхатологическое восприятие современной им действительности и категорический отказ от любых форм взаимодействия с советской властью, отождествлявшейся с антихристом. Сторонники священника Феодора Рафановича с кон. 1920 – нач. 1930-х гг. именовались «шерстинцами», а более умеренная и многочисленная часть церковного оппозиционного движения Гомельщины, возглавляемая протоиереем Павлом Левашевым, именовалась «левашевцами». При этом «левашевцы» считали «шерстинцев» находящимися в духовной прелестьи, то есть в самообольщении [1, л. 118–118 об.; 3, л. 141–144 об., 180, 425–426; 8, 3–3 об., 12 об.–26, 101, 275 об., 279].

Репрессивная политика советской власти, ориентированная на подавление политического инакомыслия, не обошла стороной последователей «иосифлянского» движения, антисоветская настроенность которых включала религиозную аргументацию. В 1930, 1931, 1932 и 1937 гг. органы ОГПУ-НКВД проводили групповые аресты и осуждения сторонников «правой» церковной оппозиции на Гомельщине, в результате чего движение было практически полностью разгромлено [2, л. 20 об.; 3, л. 31; 4; 6; 7; 8, л. 108, 149–150, 216, 281, 350–351, 377 об., 400, 412; 414, 423, 438, 443, 448–456; 9; 18, л. 51 об.].

В годы Великой Отечественной войны и немецкой оккупации Беларуси деятельность православных общин, оппозиционных Московской Патриархии, на территории Гомельской области заметно активизировалась. Пользуясь лояльным отношением оккупационных властей, церковные активисты добивались возвращения храмовых зданий. Кроме того, находившиеся к кон. 1930-х гг. на нелегальном положении оппозиционные священнослужители смогли вернуться к открытой религиозной деятельности. В целом ряде случаев не признававшие Московскую Патриархию церковные общины, лишившиеся своих священников во время репрессий 1930-х гг., во время оккупации получили возможность направлять своих ставленников для рукоположения к управляющему Мозырской епархией архиепископу Николаю (Автономову) (1894–1979), иерарху Украинской Православной Автономной Церкви [1, л. 72 об., 110, 118 об.; 15, л. 28; 18, л. 51, 112].

После освобождения территории современной Гомельской области от немецкой оккупации, происходившего в сентябре 1943 – июле 1944 гг., часть «непоминающих» священников вернулась на нелегальное положение, а остальные некоторое время продолжали совершать богослужения в храмах, открытых оккупационной администрацией [1, л. 119; 15, л. 11]. Практически легальное существование альтернативных Московской Патриархии церковных приходов не могло встретить сочувствия со стороны священноначалия Русской Православной Церкви, республиканских властей и Совета по делам РПЦ при Совете народных комиссаров СССР. Уже в марте 1945 г. на проходившем в г. Минске совещании областных уполномоченных Совета по делам РПЦ уполномоченный по Гомельской области И.А. Горелов доложил о деятельности священников, отказывавшихся признавать Московскую Патриархию. Сложившаяся ситуация вызвала резко негативную реакцию со стороны республиканского уполномоченного А.Д. Лобанова, который рекомендовал предпринять решительные действия по изменению сложившейся ситуации. Вскоре местным административным органам было направлено предписание относительно необходимости «при появлении указанных лиц решительно препятствовать совершению религиозных обрядов и принимать меры к выдворению их из пределов области». В своей дальнейшей деятельности уполномоченные Совета по делам РПЦ по Гомельской области будут уделять

пристальное внимание «непоминающим» общинам и священнослужителям [27, л. 29–30; 31, л. 13, 27; 32, л. 7, 10; 33, л. 3–4].

Помимо государственных органов, изучением вопроса занялся архиепископ Минский и Белорусский Василий (Ратмиров) (1882 – ок. 1970), который в апреле 1946 г. направил своего представителя протоиерея Косьму Раину в Гомельскую область. Ознакомившись с состоянием движения «непоминающих» на месте, последний провел ряд переговоров с оппозиционно настроенными священнослужителями, результатом чего стало воссоединение многих из них с Московской Патриархией [28, л. 89–96, 92–92 об.]. Однако в большинстве случаев общины не следовали примеру своих пастырей. Сохраняя память о репрессированных в 1930-х гг. «непоминающих» священнослужителях, они не поддерживали компромиссную позицию более молодого поколения клириков, рукоположенных в годы немецкой оккупации. В условиях резкого сокращения числа «непоминающих» священнослужителей произошло увеличение численности оппозиционных групп, вынужденно переходивших на совершение богослужений мирским чином. При этом функции совершителей богослужбных чинопоследований (за исключением Литургии) усваивались монашествующим и мирянам как мужского, так и женского пола. Вполне очевидно, что возникновение феномена «новообрядного беспоповства» не связано с доктринальными изменениями у сторонников движения «непоминающих» и явилось естественным следствием отсутствия единомышленников священнослужителей.

По мере изучения состояния церковной оппозиции духовным и гражданским властям становились известны новые центры сопротивления Московской Патриархии. В августе 1946 г. в Минское епархиальное управление поступил рапорт управляющего делами Бобруйской епархии протоиерея Феодора Дмитриюка, в котором сообщалось о существовании «непоминающей» общины в деревне Любоничи Кировского района Бобруйской области¹. Отказавшись поддержать обновленческий раскол в 1923 г., часть жителей деревни перестала посещать местный храм и перешла под духовное руководство гомельского протоиерея Павла Левашева. После произошедшего в 1928 г. перехода последнего на сторону «иосифлянской» оппозиции к движению «непоминающих» примкнули и любоничские жители. Впоследствии они стали поддерживать ультрарадикальную группу «шерстинцев», возглавляемую священником Феодором Рафановичем. К 1946 г. оппозиционная группа деревни Любоничи не только отрицала каноничность Московской Патриархии, но и в силу своей антисоветской настроенности уклонялась от любой формы взаимодействия с местными властями, отказываясь от регистрации новорожденных детей и смертей членов общины, официального заключения браков и т.п. Богослужения совершались в домашних условиях мирянами, обладавшими знаниями церковного устава. Рапорт протоиерея Фео-

¹ С 1954 г. Кировский район пребывает в составе Могилевской области.

дора Дмитрука примечателен тем, что в нем описываются богослужебные особенности, характерные для «непоминающей» общины. Начиналось богослужение возгласом «Молитвами святых отец наших...», после чего совершалось всенощное бдение без чтения Евангелия и ектений. По окончании утрени наступал небольшой перерыв, во время которого верующие прикладывались к Евангелию, полагаемому на середине комнаты на столе. После перерыва совершалось последование изобразительных с чтением Евангелия и поминовением записок, подаваемых молящимися. В воскресные и праздничные дни совершение богослужений включало чтение акафистов [29, л. 198–200 об.].

В июле 1948 г. на имя уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров СССР В.С. Менькова поступило анонимное обращение, в котором сообщалось о незаконной религиозной деятельности монахини Евфалии (Сосновской), бывшей насельницы Буйничского женского монастыря Могилевской епархии. Проживая в городе Рогачеве Гомельской области, монахиня Евфалия проводила в домашних условиях праздничные богослужения и «исполняла обязанности священника» [30, л. 67–68]. Вполне очевидно, что организованные монахиней молитвенные собрания являлись альтернативой богослужениям, совершавшимся в то время в Рогачеве клириком Минско-Белорусской епархии протоиереем Александром Хведосюком. В качестве меры воздействия на монахиню Евфалию было избрано обращение к местным финансовым органам относительно обложения ее подоходным налогом [30, л. 67]. На протяжении последующих десятилетий основным средством давления государственной власти на совершителей нелегальных богослужений будет «удушение» высокими налогами.

В том же 1948 г. наметилось ужесточение линии советской религиозной политики по отношению к Православной Церкви, одним из проявлений которого стало широкое закрытие храмов, возобновивших свою деятельность в годы немецкой оккупации [23, л. 2]. Данное обстоятельство напрямую затронуло положение «непоминающих» общин, которые к 1950 г. лишились всех своих храмовых зданий. Однако давление органов государственной власти на противников Московской Патриархии не привело к исчезновению церковной оппозиции. Добиваясь закрытия или переподчинения храмовых зданий Минско-Белорусской епархии, государственные служащие существенно улучшали показатели своей отчетности о работе в регионе. Но вместе с тем они вытесняли «непоминающих» за пределы легальности, провоцируя тем самым формирование практически неконтролируемого церковного подполья.

Начавшийся с 1948 г. вынужденный переход большинства «непоминающих» общин Гомельщины на нелегальное положение формировал альтернативную Московской Патриархии церковную среду, нередко именуемую «катакомбной». Ее характерными чертами стали замкнутость и высокий уровень внутренней консолидации, обостренное апокалиптическое мировосприятие, религиозно мотивированная анти-

советская настроенность и доходившее до враждебности отношение к Московской Патриархии. Не имея собственной иерархии и с каждым годом испытывая возрастающий дефицит в священнослужителях, «непоминающие» общины развивали традицию совершения богослужений мирским чином. Другим следствием внешнего давления на «непоминающих» и порожденного им роста апокалиптических настроений, был стремительный рост нелегального монашества. Пессимистическое восприятие советской действительности побуждало многих противников Московской Патриархии к отказу от семейной жизни и ограничению контактов с внешним миром.

Согласно данным уполномоченного Совета по делам РПЦ по Гомельской области, к апрелю 1949 г. на территории региона богослужения без священнослужителей совершались более чем в семи населенных пунктах. В частности, монахиня Анна совершала богослужения в деревне Буда Стрешинского района (ныне Рогачевский район), некий Демьян (фамилия не известна) в деревне Прибудок Жлобинского района, Петр Степанович Крючков в деревне Папоротное Жлобинского района, монахини Ирина (Васильцова) и Домна (Грицкова) в местечке Уваровичи (ныне Буда-Косшелевский район), Невидацкий Егор в деревнях Светиловичского района (ныне Ветковский район) и монахиня в деревне Неглюбка Светиловичского района, имя которой уполномоченному не было известно [16, л. 10].

Фото 3. Монахиня Еликонида (Приходько) (справа). Фото 1970-х гг.

В настоящее время благодаря архивным изысканиям и полевым исследованиям, проведенным научным сотрудником отдела фольклористики и культуры славянских народов Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси И.Ю. Смирновой, стали известны детали религиозной деятельности «непоминающей» общины деревни Неглюбка. Возглавляла общину монахиня Еликонида (в миру Евдокия Игнатовна Приходько, 1886–1988), бывшая насельница закрытого в 1923 г. Свято-Троицкого Мотронинского монастыря Киевской епархии. Будучи неглюбской уроженкой, монахиня к 1936 г. вернулась в родную деревню и вскоре была репрессирована. После освобождения снова поселилась в деревне Неглюбка, где основала нелегальную женскую монашескую общину и молитвенный дом. Не признавая священников Московской Патриархии, монахиня Еликонида совершала мирским чином богослужения суточного круга, крещения, отпевания и освящения пасхальных куличей. Нелегальный молитвенный дом деревни Неглюбка посещали не только местные жители, но и верующие города Чечерска, деревень Светиловичи, Малый и Большие Немки Ветковского района. В монашеской общине состояли женщины и девушки из деревень Столбун, Колбовка, Малые и Большие Немки Ветковского района, а также поселка Красная Гора Брянской области. Помимо монахини Еликониды, богослужения суточного круга и требы в Неглюбке совершал Павел Емельянович Осипенко (1874 г.р.), а в поселке Передовец Неглюбского сельсовета Иван Гриньков [36, с. 189–204; 37, с. 56–59; 38, с. 8–9]. Информация об открытии неглюбскими монахинями нелегального молитвенного дома и совершении ими богослужений подтверждается в письме заместителя председателя Гомельского областного совета депутатов трудящихся Н. Соболенко к председателю исполкома Ветковского районного совета депутатов трудящихся В.Ф. Михальченко от 16 марта 1957 г. [20, л. 16].

Материалы архивного фонда уполномоченного Совета по делам РПЦ по Гомельской области проливают свет на деятельность группы «непоминающих» из города Чечерска. В информационном отчете за третий квартал 1952 г. уполномоченный Е.Ф. Цуканов указывал, что к данной группе принадлежали монахиня Евфимия (Козлова), Бочар Максим, Лукашевич, Зылев и др. С большой долей вероятности можно предположить, что перечисленные лица являлись теми жителями Чечерска, которые поддерживали общение с «непоминающей» общиной деревни Неглюбка и упоминалось в исследовании И.Ю. Смирновой. Согласно данным областного уполномоченного, чечерские «непоминающие» были враждебно настроены к духовенству Московской Патриархии за лояльное отношение к советской власти [17, л. 21]. По прошествии пяти лет представителям государственных органов власти стало известно имя еще одного не облеченного священным саном совершителя богослужения на территории Чечерского района. Им оказался оставивший работу в колхозе и всецело отдавшийся религиозной деятельности житель поселка Залесье Иван Матвеевич Хомяков [20, л. 84].

Критически настроенные к Московской Патриархии монашествующие оказывали значительное влияние на православное население Гомельской области, что отмечалось еще в 1950 г. ревизором Минской епархии священником Петром Бычковским. При этом он имел в виду как насельниц местных нелегальных монашеских общин, так и приезжавших из Киевской области монахов и монахинь [1, л. 119]. К началу 1950-х гг. уполномоченный Совета по делам РПЦ по Гомельской области выявил существование «непоминающих» монашеских общин в городе Гомеле, местечке Лоев (ныне райцентр Гомельской области), местечке Уваровичи (ныне городской поселок Буда-Кошелевского района) и деревне Огородня Гомельская (Добрушский район) [16, л. 10, 52]. По причине нехватки «непоминающих» священнослужителей нелегальные монастыри становились центрами богослужebной жизни. Так, еще в 1949 г. проживавшие в местечке Уваровичи монахини Ирина (Васильцова) и Домна (Грицкова) не только призывали жителей не посещать местный храм из-за его принадлежности к Московской Патриархии, но и приглашали верующих на богослужения, которые сами совершали мирским чином в домашних условиях [16, л. 10, 52]. Несмотря на попытки государственных органов повлиять на ситуацию, динамика развития «непоминающих» женских монашеских общин в Уваровичском районе в последующие годы имела устойчивые тенденции роста. В письме заместителя председателя Гомельского областного совета депутатов трудящихся Н. Соболенко к председателю исполкома Уваровичского районного совета депутатов трудящихся К.А. Корчевскому от 5 марта 1957 г. сообщалось о деятельности «непоминающих» женских монашеских общин на территории Уваровичского района. Согласно этим сведениям, в поселке Широкий Липского сельсовета проживали монахини Ксения (Чернявская), Анна (Миронова) и Васса (Шершнева), а в деревне Михалевке монахини Феодосия (Чернявская), Марфа (Чернявская) и Мария (Чернявская). Характеризуя монахинь как «фанатичек», зампред Гомельского облсовета указывал на то, что ими на дому совершаются церковные богослужения, освящаются пасхальные куличи, а также проводятся панихиды на кладбищах [20, л. 20].

К началу 1950-х гг. относится появление сведений об эволюции в религиозной самоидентификации противников Московской Патриархии. В 1953 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ по Гомельской области впервые отметил наименование оппозиционных церковных групп как ИПЦ («Истинно-Православная Церковь» [18, л. 36–38; 19, л. 36]. Утратив в годы массовых репрессий большинство своих священнослужителей, «непоминающие» не могли считать себя принадлежащими к их кругу, именуясь «иосифлянами», «левашевцами» и т.д. Одновременно с этим крайне неодобрительное отношение к Московской Патриархии позволяло оппозиционным группам оценивать статус православных общин в категориях истинности или ложности.

На протяжении 1950–1960-х гг. уполномоченные Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Гомельской области и Совета по делам рели-

гиозных культов при СМ СССР по Гомельской области (в 1965 г. названные структуры были объединены в Совет по делам религий при СМ СССР) выявляли новые «непоминающие» группы, нелегальные монашеские общины и отдельных совершителей богослужений. Так, в 1956 г. после вынесения предупреждения со стороны местной милиции была вынуждена отказаться от проведения нелегальных богослужений 78-летняя жительница деревни Чаплин Стародубского сельсовета Лоевского района Домна Григорьевна Безмен. Однако уже осенью 1957 г. в Гомельском областном совете депутатов трудящихся появилась информация о возобновлении ею совершения богослужений [20, л. 82, 100–104]. В 1957 г. были выявлены две нелегальные женские монашеские общины в Калининском и Буда-Кошелевском районах, насельницы которых также совершали богослужения [20, л. 20]. К августу 1958 г. стало известно о совершении богослужений жителем деревни Заболотье Широковского сельсовета Буда-Кошелевского района Василием Федоровичем Жавноровичем (1927 г.р., инвалид 2 группы) и жителем деревни Дуравичи Октябрьского сельсовета Буда-Кошелевского района Николаем Дмитриевичем Ткачом [21, л. 100–104]. В марте 1960 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ по Гомельской области И. Потапов призывал председателя Ветковского районного исполнительного комитета М.Ф. Литвинова оказать воздействие на нелегально совершавших богослужения заштатного псаломщика деревни Бартоломеевка Демьяна Моисеевича Заряна (1874 г.р.), жителя села Светиловичи Ивана Видешева, жителя деревни Золотой Рог Андрея Наумовича Белякова и жителя деревни Столбун Павла Горелика [22, л. 33; 34, с. 160].

Предпринимая попытки нейтрализации религиозной деятельности «непоминающих», представители государственной власти прибегали к средствам внешнего давления, что побуждало противников Московской Патриархии совершенствовать меры конспирации или полностью переходить на нелегальное положение. В информационном отчете уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Гомельской области Н.Т. Степанова за 1961 г. сообщалось о выявлении группы «Истинно-Православной Церкви» в деревне Ломачи Судковского сельсовета Хойниквского района. В состав группы входило около 20 человек, руководимых Михаилом Афанасьевичем Кузьменко (1929 г.р.), Ниной Афанасьевной Кузьменко (1924 г.р.) и Мальвиной Алексеевной Бельской (1929 г.р.). Формально состоя в колхозе, члены общины не принимали участия в колхозных работах, живя за счет натурального хозяйства и ловли рыбы. В августе 1961 г. лидеры общины были осуждены общественным судом за тунеядство и приговорены к выселению из деревни сроком на 3 года. Через несколько дней приговор был утвержден решением Хойникского райисполкома. Однако привести его в исполнение не представилось возможным, поскольку осужденные перешли на нелегальное положение, полностью исчезнув из поля зрения административных и правоохранительных органов [10, л. 5–7].

В том же 1961 г. в деревне Озерщина Речицкого района была выявлена группа ИПЦ, состоявшая из 15 человек. Руководил общиной Иван Пантелеймонович Лапшак, 1891 г.р., ранее судимый за антисоветскую деятельность на 10 лет ИТЛ. Деятельность уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Гомельской области, направленная на ликвидацию незарегистрированных религиозных объединений, привела к тому, что уже в 1963 г. община ИПЦ деревни Озерщина перестала организовывать молитвенные собрания [10, л. 7, 18; 11, л. 9, 15; 12, л. 59]. Можно предположить, что давление со стороны государственных органов вряд ли могло убедить оппозиционно настроенных православных христиан в целесообразности отказа от проведения общественных богослужений. Вполне вероятно, что молитвенные собрания продолжили совершаться, но уже при соблюдении необходимых мер конспирации.

Аналогичная ситуация сложилась в 1963 г. в деревне Чирковичи Светлогорского района, где местная «комиссия содействия» выявила группу ИПЦ в количестве 18 человек. Руководила общиной Ирина Романовна Карнелюк, 1932 г.р., работавшая на Василевичской ГРЭС. Поздно вечером 24 мая 1963 г. И.Р. Карнелюк собрала около реки группу женщин и начала совершение богослужения, которое прекратили члены «комиссии содействия». С руководительницей общины ИПЦ была проведена работа, после чего уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Гомельской области в своем информационном отчете сообщал об отсутствии новых фактов проведения богослужений «непоминающими» деревни Чирковичи [12, л. 72].

Дополнительным поводом к усилению давления на оппозиционные православные группы было недопустимое с точки зрения советской педагогики поведение детей, происходивших из семей ИПЦ. Наибольшее возмущение педагогических работников, руководителей пионерской и партийной организаций вызывало то, что такие дети соблюдали посты, отказывались от вступления в пионеры, уклонялись от посещения школьных мероприятий, утренников, театра, кино. В отдельных случаях дети отказывались читать художественную литературу, ходить к врачам, принимать прививки, а также пропускали занятия в дни церковных праздников [11, л. 34–35, 37]. Наиболее вопиющий случай произошел в 1962 г. в средней школе № 25 г. Гомеля, в которой обучалась дочь члена общины ИПЦ Попович Галя. Девочка познакомилась с двумя школьницами 6 и 3 классов со своими религиозными воззрениями, после чего те приняли не только крещение, но и апокалиптические воззрения «истинно-православных». Вскоре новообращенные девочки решили уйти из дома и странствовать по миру, но были задержаны милицией. Как отмечал в своем отчете за 1962 г. уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Гомельской области, «Валя и Люда имели намерение убить друг друга, с целью жертвоприношения богу, но все это было предотвращено» [11, л. 35]. В ходе произведенного разбирательства выяснилось, что отец Гали Павел Попович исповедует крайние эсхатологические воззрения и убежден в скором наступлении конца света. По его словам, «скоро будет

страшный суд. Построит Бог всех в один ряд и скажет: Земля расступись! И все безбожники провалятся в землю, а верующие будут жить вечно и не стариться» [11, л. 35]. В отношении Павла Поповича руководством средней школы № 25 были оформлены все необходимые документальные материалы для передачи в прокуратуру [11, л. 35].

Совместные действия уполномоченного Совета по делам РПЦ по Гомельской области, уполномоченного Совета по делам религиозных культов по Гомельской области, руководителей партийных и государственных структур привели к подавлению внешней активности целого ряда общин ИПЦ в нач. 1960-х гг. В отчете уполномоченного Совета по делам религиозных культов за 1963 г. сообщалось: «В 1961 г. на территории Гомельской области было выявлено и взято на учет 34 объединения и групп, действовавших без регистрации [разных исповеданий – прим. авт.]. За 1962–1963 гг. некоторые объединения и группы прекратили свои сборища и моления, а некоторые на моления собираются только на годовые праздники» [12, л. 59]. В столь неблагоприятных условиях общины ИПЦ вынуждены были совершенствовать меры конспирации и по этой причине все реже попадали в поле зрения государственных органов. В докладной записке «О принятых мерах по прекращению деятельности незарегистрированных религиозных групп, незаконной деятельности заштатных служителей культа и монашествующих элементов на территории Гомельской области», составленной в 1964 г. уполномоченным Советом по делам религиозных культов по Гомельской области, лаконично сообщалось о существовании групп ИПЦ в Буда-Кошелевском, Хойникском, Речицком и Гомельской районах. Дополнительные подробности религиозной деятельности этих нелегальных общин в докладной записке отсутствовали [13, л. 25].

На протяжении последующих девяти лет информация о деятельности общин ИПЦ не находила отражения в материалах уполномоченных Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Гомельской области, Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Гомельской области и Совета по делам религий при СМ СССР. Лишь только в справке о работе комиссии по соблюдению законодательства о культах при Жлобинском горисполкоме, составленной заместителем Жлобинского горсовета депутатов трудящихся Г.М. Дегтяревым в 1974 г., сообщается: «Ведется наблюдение за деятельностью сторонников ИПХ, возглавляемых Тобольченко Марком Федосовичем, проживающим в г. Жлобине, по ул. Товарной, 69, однако недозволенных сборищ верующих не обнаружено» [14, л. 31]. Иными словами, государственный служащий констатировал наличие нелегальной религиозной общины ИПХ («истинно-православных христиан»), объединенной вокруг известного лица, но о собраниях этой группы ничего сказать не мог. В последующие годы в документации уполномоченного Совета по делам религий по Гомельской области ни разу не будет упомянуто о существовании нелегальных православных общин, оппозиционных Московской Патриархии.

Молчание документальных источников сер. 1970 – 1980-х гг. отнюдь не означает исчезновение общин ИПЦ. В первой пол. 1980-х гг. значительная их часть перешла в юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ), что позволило восстановить традиционный строй церковной жизни и прекратить практику совершения богослужения мирским чином. В ноябре 1990 г. Архиерейский Синод РПЦЗ принял решение о рукоположении во епископа Гомельского иеромонаха Вениамина (Русаленко), духовным наставником которого ранее являлся руководитель ультрарадикальной «непоминающей» группы «шерстинцев» священник Феодор Рафанович [26, с. 27]. После 2001 г. общины Русской Православной Церкви Заграницей на территории Гомельской области оказались в юрисдикции Русской Истинно-Православной Церкви, не имеющей признания со стороны Вселенского Православия.

Фото 4. Иеромонах Мелхиседек (Бузун), братья Шаренко и Н.С. Зайцева с наперсным иерейским крестом. Фото 1956–1957 гг.

Несмотря на открывшуюся в 1980–1990-е гг. для «непоминающих» Гомельщины возможность восстановления канонического строя при содействии РПЦЗ, не все оппозиционные общины оказались готовы преодолеть свой «беспоповский» статус. Благодаря полевым исследованиям, проведенным в 2000-е – нач. 2010-х гг. жлобинским историком и краеведом Н.В. Шукановым, удалось получить информацию о деятельности еще одной такой общины. Основана она была «не-

поминающим» иеромонахом Мелхиседеком (Бузуном) (1880–1977), в 1932–1935 гг. являвшимся настоятелем Свято-Троицкого храма в селе Степы Паричского района БССР (ныне Жлобинский района Гомельской области). Будучи крайне негативно настроенным по отношению к советской власти, иеромонах Мелхиседек поддержал «правую» церковную оппозицию и даже отказался принять советский паспорт. В 1937 г. он был приговорен к 10 годам ИТЛ [5]. После освобождения из заключения в кон. 1940-х гг. иеромонах Мелхиседек перешел на нелегальное положение, проживая у своих последователей в Рогачевском и Жлобинском районах Гомельской области. В 1956 гг. «непоминающий» священнослужитель поселился в деревне Фалевичи Рогачевского района в доме Надежды Степановны Зайцевой (1924 г.р.). Придерживаясь необходимых правил конспирации, он в дневное время суток проводил на чердаке, а ночью спускался вниз, встречался с духовными чадами, читал книги, гулял по двору [39; 43, с. 4]. Своим последователям иеромонах Мелхиседек категорически запрещал признавать Московскую Патриархию, что обусловило переход к «беспоповскому» состоянию общины после смерти священнослужителя. Весьма примечательна в этом отношении фотография иеромонаха Мелхиседека в окружении духовных чад (см. фото 4). На ней Н.С. Зайцева изображена с наперсным иерейским крестом. Можно предположить, что для общины ИПЦ деревни Фалевичи было характерно представление о повсеместном «оскудении священства» и по этой причине совершение богослужений в домашних условиях было доверено ближайшей сподвижнице «непоминающего» священнослужителя. Косвенным подтверждением данного предположения может служить последующее нежелание общины признать духовенство Русской Православной Церкви Заграницей. По состоянию на сер. 2012 г. в общине ИПЦ деревни Фалевичи состояло 10 женщин преклонного возраста. Возглавлял общину местный житель Николай Николаевич Шаренко (1935 г.р.), который вместе со своим братом Борисом в 1950-е – 1970-е гг. входил в круг последователей иеромонаха Мелхиседека (Бузуна). Братья Шаренко ведут аскетический образ жизни, воздерживаются от употребления в пищу мяса, никогда не состояли в браке [39].

Завершая обзор истории развития «новообрядного беспоповства» на территории Гомельской области в 1940–1980-е гг., следует отметить, что переход оппонентов Московской Патриархии на совершение богослужений мирским чином явился вынужденной мерой, обусловленной обстоятельствами времени. Регулярно оказываемое давление государственных органов лишало «непоминающие» общины возможности сохранять традиционный строй приходской жизни и подталкивало их к переходу на нелегальное положение, что в свою очередь способствовало формированию уникальной «катакомбной» субкультуры. Одновременно с этим, вряд ли можно утверждать, что «непоминающие» общины Гомельщины лишились православной идентичности и эволюциониро-

вали до сектантского состояния. Изменение внешних условий жизни, происходившее в 1980–1990-е гг., повлекло за собой отход большинства из них от «беспоповской» богослужебной практики. Единственным известным исключением явилась община ИПЦ деревни Фалевичи Рогачевского района, оказавшаяся психологически неспособной к выходу из ставшего привычным состояния самоизоляции от всего православного мира. Восстановление традиционного устройства приходской жизни в большинстве «непоминающих» общин Гомельщины свидетельствует о сохранении ими канонического сознания и актуализирует перед Белорусской Православной Церковью вопрос поиска путей достижения церковного единства.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Архив Минского епархиального управления (МЕУ). – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 803. Дело священника Григория Яковлевича Секча. Т. 1. 1944–1959 гг.
2. Архив Управления Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (УКГБ РБ) по Гомельской обл. – Д. 12270-с. – Т. 1. Следственное дело «Гомельской контрреволюционной организации церковников». 1937 г.
3. Архив УКГБ РБ по Гомельской области. – Д. 12270-с. – Т. 2. Следственное дело «Гомельской контрреволюционной организации церковников». 1937 г.
4. Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. – Д. 13195-с. Следственное дело священника Феодора Семеновича Семенова. 1932 г.
5. Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. – Д. 13341-с. Следственное дело иеромонаха Мелхиседека (Максима Степановича Бузуна). 1937 г.
6. Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. – Д. 13371-с. Следственное дело Василия Петровича Чепкова. 1930–1931 гг.
7. Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. – Д. 13402-с. Следственное дело иеромонаха Герасима (Каешко). 1930 г.
8. Архив УКГБ РБ по Гомельской области. – Д. 15454-с. Следственное дело «Гомельского филиала контрреволюционной организации духовенства «Истинно-Православная Церковь»». 1932 г.
9. Архив УКГБ РБ по Гомельской обл. – Д. 18066-с. Следственное дело иеромонаха Иеронима (Ивана Ефимовича Андрейко). 1930 г.
10. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 71. Информационный отчет о работе уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Гомельской области за 1961 г.
11. ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 74. Годовой план работы уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Гомельской области на 1962 г. и информационный отчет о работе за 1962 г.
12. ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 77. Информационный отчет о работе уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Гомельской области за 1963 г. и план работы на 1964 г.
13. ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 81. Информационные сведения упол-

номоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Гомельской области о религиозной обрядности в области за 1964 г.

14. ГАГО. – Фонд 1354. – Оп. 5. – Д. 109. Материалы уполномоченного Совета по делам религиозных культов при СМ СССР по Гомельской области за 1974 г.

15. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 1. – Д. 1. Отчеты и доклады о работе уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Гомельской области по кварталам за 1947 г.

16. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 1. – Д. 4. Отчеты и доклады о работе уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Гомельской области по кварталам за 1949 г.

17. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 1. – Д. 9. Отчеты и доклады о работе уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Гомельской области по кварталам за 1952 г.

18. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 1. – Д. 12. Отчеты и доклады о работе уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Гомельской области по кварталам за 1953 г.

19. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 2. – Д. 3. Переписка уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Гомельской области с советско-партийными органами по делам церкви за 1953 г.

20. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 3. – Д. 26. Переписка уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Гомельской области с советско-партийными органами по делам церкви за 1957 г.

21. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 3. – Д. 27. Переписка уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Гомельской области с советско-партийными органами по делам церкви за 1958 г.

22. ГАГО. – Фонд 3441. – Оп. 3. – Д. 30. Переписка уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви по Гомельской области с советско-партийными органами по делам церкви за 1960 г.

23. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 144. – Оп. 7. – Д. 136. Документы Исполнительного Комитета Гомельского областного совета депутатов трудящихся за 1948 г.

24. Интервью с митрополитом Сергием Страгородским и его Синодом // Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943. / сост. М.Е. Губонин. – Москва : ПСТБИ, Братство во Имя Всемилостивого Спаса, 1994. – С. 682–686.

25. Иоанн (Снычев), митрополит. Церковные расколы в Русской Церкви / митрополит Иоанн (Снычев). — Самара : Православная Самара, 1997. – 364 с.

26. Краткая история Русской Истинно-Православной Церкви. 1927–2007 гг. / Под ред. Шумило В.В., Шумило С.В. – Чернигов: ЧГИЭиУ, Киев-Чернигов: Православное изд-во «Вера и жизнь», 2008. – 56 с.

27. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 951. – Оп. 1. – Д. 1. Материалы уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК СССР по БССР за 1944 г.

28. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 1. – Д. 6. Материалы уполномоченного Совета по делам РПЦ при СМ СССР по БССР за 1946 г.

29. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 1. – Д. 7. Справки и регистрации церквей и рапорта духовенства об их работе. 1946 г.

30. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 1. – Д. 18. Переписка уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК СССР по БССР с архиепископом Минским и Белорусским о деятельности Русской Православной Церкви. 1948 г.

31. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 2. Информационные отчеты уполномоченных Совета по делам РПЦ при СНК СССР по БССР за 1945 г.

32. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 3. Переписка уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК СССР по БССР за 1945 г.

33. НАРБ. – Фонд 951. – Оп. 2. – Д. 7. Докладные записки, сведения и переписка о деятельности РПЦ в Белоруссии. 1944–1947 гг.

34. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Веткаўскага раёна : у 2 кн. – Мінск : БЕЛТА, 1997. – Кн. 1. – 375 с.

35. Сергей (Страгородский), митрополит. Послание к пастырям и пастве (29 июля 1927 г.) / митрополит Сергей (Страгородский) // Патриарх Сергей и его духовное наследство. – Москва : Издание Московской Патриархии, 1947. – С. 59–63.

36. Смирнова, И.Ю. Из истории Свято-Николаевской церкви села Неглубка / И.Ю. Смирнова // Архиварыус. Зборнік навуковых паведамленняў і артыкулаў. Серыя «Гісторыя, архівазнаўства, крыніцазнаўства». – Мінск, 2009. – Вып. 7. – С. 189–204.

37. Смирнова, И.Ю. «Так усі прылежна за Богам ішлі!..» (Традиции православия в народной культуре д. Неглубка Ветковского р-на Гомельской обл.) / И.Ю. Смирнова / Аўтэнтычны фальклор: праблемы вывучэння, захавання, пераймання: зборнік навуковых прац удзельнікаў III Міжнароднай навукова-метадычнай канферэнцыі (Мінск, 29–30 красавіка 2009 г.) / БДУКМ ; рэдкал.: Мажэйка М. А. (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУКМ, 2009. – С. 56–59.

38. Смірнова, Ірына. Матушка Еліканіда / Ірына Смірнова // Царкоўнае слова. – 2008. – № 38. – С. 8–9.

39. Шаренко, Н.Н. 1935 г.р., д. Фалевичи. – Зап. в 2012 г. – Архив Н.В. Шуканова.

40. Шкаровский, М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви / М.В. Шкаровский. – Санкт-Петербург : НИЦ «Мемориал», 1999. – 400 с.

41. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / М.В. Шкаровский. – Москва : Изд. Крутицкого подворья, Общество любителей церковной истории, 2005. – 424 с.

42. Шкаровский, М.В. Судьбы иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской Православной Церкви в судьбах его участников. Архивные документы / М.В. Шкаровский. — Санкт-Петербург : «Сатис», «Держава», 2006. — 590 с.

43. Шуканаў, М. «Катакомбы шлях» іераманаха Мелхісадэка / М. Шуканаў // Краязнаўчая газета – 2013. – № 39. – С. 4.

44. Fletcher, C. William. The Russian Orthodox Church Underground. 1917–1970. / William C. Fletcher. – London: Oxford University Press, 1971. – 314 p.